

Ветрова М.В.

ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ ОЧЕРКА БОРИСА ЗАЙЦЕВА «ВАЛААМ» (книга «Валаамский монастырь и его подвижники»)

За последние годы изучение духовных истоков русской литературы, ее православной основы, стало одним из ведущих направлений отечественного литературоведения. В этом русле в большинстве случаев рассматривается и эмигрантское творчество Бориса Зайцева. Однако исследователей зачастую занимает идейное содержание произведений; поэтика остается в стороне. Вместе с тем, именно изучение поэтики эмигрантской прозы писателя в сопоставлении с поэтикой древнерусской и церковной литературы представляет особенный интерес. К этой проблеме неоднократно обращались в своих работах Е. Воропаева, А. Любомудров [3; 4; 5] и другие ученые. Тем не менее, поэтика прозы Зайцева остается на данный момент малоизученной, что делает исследование в этой области, несомненно, актуальным.

Цель статьи – доказать, что книга «Валаамский монастырь и его подвижники» является одним из источников очерка Б. Зайцева «Валаам» и определить некоторые принципы поэтики писателя.

Данная цель предполагает следующие задачи:

1. На основе сравнения текстов установить влияние книги на создание очерка.
2. Выявив сходства и различия между текстами, определить некоторые принципы поэтики Б. Зайцева.

В эмигрантский период творчества Борис Зайцев неоднократно обращался к жанрам церковной литературы, таким как жития и хождения. Агиографический и паломнический жанры были для писателя высокими образцами художественного творчества. Некоторые особенности поэтики церковной литературы автор перенимает и использует при создании собственных произведений. Кроме этого, жития и паломнические описания были для писателя источником сведений об интересующих его святых и монастырях.

Как известно, Зайцев стал автором целого ряда неожиданных очерков; им были созданы также две книги очерков о православных монастырях – «Афон» и «Валаам». Работая над этими произведениями, писатель серьезно и глубоко изучает историческую и церковную литературу. Зайцев излагает только реальные факты, не допуская вымысла и лишь иногда позволяя себе высказать то или иное предположение, но всегда делает это очень осторожно.

В некоторых случаях писатель сам указывает на источники, к которым он прибегал. Например, в примечаниях к очерку «Преподобный Сергей Радонежский» он называет использованные им историографические и агиографические труды – «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» Е. Е. Голубинского, «Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца» иеромонаха Никона. Но в основу своей книги, как доказывает А. М. Любомудров, писатель положил труд иеромонаха Никона [4, с.270]. Сопоставив два варианта жития преподобного Сергия, исследователь приходит к выводу, что «текст Зайцева представляет собой более или менее значительное переложение, обработку текста Никона. Иногда тексты почти совпадают» [Там же]. Вместе с тем, Зайцев с неповторимой, только ему присущей художественной чуткостью создает «образ смиренного старца» [4, с.273], что отличает очерк писателя от труда Никона.

В августе 1935 года Зайцев совершил поездку на остров Валаам, где провел девять дней. Результатом этого путешествия стал очерк «Валаам», вышедший в свет в 1936 году. Очерк содержит не только личные впечатления писателя о монастыре, но и сведения по истории обители. Достоверно неизвестно, откуда Зайцев черпал информацию о прошлом Валаама, но осмелимся предположить, что одним из источников стала книга «Валаамский монастырь и его подвижники», изданная иждивением самого монастыря (3-е издание вышло в 1903 году), которую писатель мог найти в монастырской библиотеке.

В этой книге содержатся сведения о всех сторонах жизни обители. Во вступлении, которое представляет собой «Географический очерк Валаама», подробно описывается местоположение монастыря, природно-климатические особенности, флора и фауна. Здесь же помещены рекомендации, «каким путем удобнее достигнуть Валаамского монастыря» [1, с.10]. Описание географии завершается лирическим отступлением о своеобразии и величественности природы острова, где автор не скупится на риторические приемы и словесные украшения: «Хороша весна на Валааме, одетая зеленью лесов и садов!» [1, с.14].

Первая и вторая главы книги посвящены истории обители. В них обстоятельно излагаются сведения о возникновении и утверждении монастырской жизни на Валааме. В третьей главе завершается повествование об устройстве обители и содержатся биографии настоятелей Валаама, кроме этого, подробно рассказывается об уставе игумена Назария. В этих главах стиль меняется в зависимости от предмета изображения: например, когда автор знакомит читателей с различными версиями о времени возникновения монастыря, манера изложения приближается к историографической традиции. Если же речь идет о ком-либо из святых, подвизавшихся на острове, то стиль укладывается в рамки агиографических канонов.

Четвертая глава содержит описание монастырских зданий, скитов, островов и имущества Валаама. При этом излагаются только самые необходимые сведения, указывается точный размер и вид объекта. Автор предлагает не личные впечатления, а реальные и конкретные описания. Здесь же повествуется о внутренней жизни и о замечательных посещениях обители, а также об «особенных случаях и чудотворениях».

В целом, книга предназначена как для паломников, путешествующих на Валаам, так и для исследователей, занимающихся изучением монастыря. Кроме этого, рассказы о жизни святых, об уставе обители преследуют и дидактическую цель.

Задача Зайцева скромнее – рассказать о своем пребывании на Валааме, поделиться впечатлениями об увиденном. Очерк предназначался для светской аудитории, этим обусловлен и метод писателя – «не «разъяснять» отдельные моменты монашеского жития, а дать читателю возможность почувствовать этот мир, пережить вместе с автором минуты тихого созерцания»[5, с.156].

В книге много пейзажных описаний. Автор восхищается красотой острова, поэтической природой и тем особым настроением, которое охватывает посетителя этих мест: «Очаровательны такие монастырские дороги – на Афоне ли, на Валааме – меж лесов, в благоухании вечера наступающего, в тишине, благообразии святых мест. Незаметно будто бы, но нечто входит и овладевает путником»[2, с.166]. Природа Валаама особенно дорога писателю еще потому, что напоминает русскую: «Ведь это все мое, в моей крови, я вырос в таких именно лесах, с детства все знаю: горький аромат хвои, песчаные колеи, комариков, вьющихся за тобой, <...> и белку, метнувшую рыжим хвостом, проскакавшего зайца»[2, с.194-195]. Но подлинный свет Валаама – насельники острова. Зайцев создает целую галерею образов монахов и послушников, отмечает их «глубокую внутреннюю воспитанность»[1, с.172], заставляет читателей проникнуться почтением и симпатией к этим людям.

Истории и хозяйственному устройству монастыря писатель уделяет довольно скромное место. Зайцев описывает только то, что видел сам, к чему прикоснулся. Сведения о прошлом обители изложены тоже кратко. В очерке гораздо больше рассказов о событиях современной жизни Валаама: об умершем недавно мальчике, о француженке, назвавшей монастырь «раем», о сестрах-американках, приехавших в обитель на два дня и оставшихся на три месяца. Все эти эпизоды, на первый взгляд, совсем не важные, не идущие ни в какое сравнение с такими темами, как, например, посещение монастыря членами царской семьи или деятельность игуменов Назария и Дамаскина, не случайно привлекают внимание автора. В этих маленьких событиях раскрывается внутренняя суть Валаама, что и является главной задачей писателя.

В то же время, в очерке есть глава, целиком связанная с историей монастыря. В ней повествуется о посещении Валаама императором Александром I. Глава «Александр на Валааме» отличается от остального текста очерка и по содержанию, и по стилю, который становится более строгим, по-особому поэтичным, сближается с агиографической традицией.

В примечаниях к первой журнальной публикации очерка Зайцева «Валаам» Е. Воропаева указывала, как на основной источник главы «Александр на Валааме», на редкую брошюру «Государь император Александр I на Валааме, в августе 1819 года» (Царское Село, 1858), «содержание которой изложено во всех книгах о Валааме» [3, с.76]. Эта брошюра упоминается и в книге «Валаамский монастырь и его подвижники» [1, с.380]. Однако есть основания полагать, что именно книга легла в основу главы «Александр на Валааме». Так, сведения об игумене Иннокентии и схимонахе Николае взяты, несомненно, из книги «Валаамский монастырь и его подвижники», причем не из главы, посвященной Александру, а из других глав, и повторяют текст оригинала практически дословно. Сравним: у Зайцева об Иннокентии: «<...> на себе таскал кирпич для стройки и трудился на рыбных ловлях»[2, с.177]; в монастырском издании: «<...> на своих плечах носил он кирпич на строящееся здание монастыря, трудился на рыбных ловлях»[1, с.160]. Рассказывая о схимонахе Николае, Зайцев приводит точную цитату из книги «Валаамский монастырь и его подвижники», и дает ее в кавычках: «Жизнь его протекла в трудах и непрестанной молитве»[2, с.180] [Ср.1, с.210]. Сопоставление двух вариантов описания одного и того же события позволяет выявить некоторые важные особенности поэтики Б. Зайцева, которые отличают его очерк от монастырской летописи.

Оба отрывка начинаются с одних и тех же слов: «В августе 1819 года», и затем повествуют о подготовке к встрече Александра. Однако авторы по-разному описывают этот эпизод. В монастырском издании подробно говорится о приготовлениях к визиту Государя, о недоумении, в котором пребывал игумен, не зная, как встречать Александра: «с подобающей честью» или, по воле самого гостя, как простого путешественника. В итоге указывается, что было решено встретить императора «в ризах и со крестом на пристани»[1, с.380].

Зайцев излагает всю эту информацию более кратко, но вводит в текст небольшое отступление об игумене Иннокентии, где делает попытку объяснить его решение: «Иннокентий сам был простой человек, из крестьян Олонецкой губернии. <...> Наверно, и в других ценил простоту. Все-таки император Александр, победитель Наполеона, властелин России и Европы <...>. Поколебавшись, посоветовавшись между собой, решили встретить по-настоящему»[2, с.177]. Таким образом, Зайцев стремится «очеловечить» героев повествования, приблизить их к читателю, сделать более понятными и, в результате, приобщить читателя к описываемым событиям.

Описывая сцену встречи императора, автор валаамского издания ограничивается простым изложением фактов. Зайцев же при характеристике этого эпизода прибегает к аналогии из Священного Писания: «вышло как бы и по-евангельски: жених явился «во полунощи», а светильники их погасли. Его не встретили»[2, с.178].

Дальнейшие события излагаются в обеих книгах в одинаковой последовательности. Совпадают многие подробности, иногда даже выражения. Вот, например, как описывает осмотр Александром обители автор монастырского издания: «<...> дойдя до горы, <...> Государь почувствовал одышку – «всходя на гору, я всегда чувствую одышку, – сказал он; – еще при покойном Государе я расстроил себя, бегая по восемнадцати раз с верхнего этажа вниз по лестнице» [1, с.384]. У Зайцева в этом случае читаем: «Государь шел пешком, подымаясь на изволок, слегка задохнулся. – Всходя на гору, всегда чувствую одышку, – сказал

благочинному Дамаскину, сопровождавшему его. – Еще при покойном императоре я расстроил себя, бегая по восемнадцати раз с верхнего этажа вниз по лестнице»[2, с.180].

Тем большую значимость приобретают различия, встречающиеся в обеих книгах. Разница обнаруживается, в частности, в изображении самого Александра I. Автор монастырского варианта называет императора не иначе как «Государь» и ко всем его действиям прибавляет слово «изволил». Зайцев, конечно, называет высокого гостя только «Александр» и слово «изволил» не употребляет. В валаамском издании действия императора не подвергаются оценке. Его слово – закон. Автор не дерзает размышлять о причинах того или иного поступка Государя. В очерке Зайцева автор, хотя и очень осторожно, старается постигнуть причины действий Александра, который интересен писателю не только как великий государственный деятель и полководец, но и как человек. Зайцев делает попытку понять переживания Александра, вызванные посещением Валаамского монастыря: «Эти минуты в бурную валаамскую ночь на паперти перед храмом, в который не мог он еще войти, были для него, вероятно, не совсем обычны»[2, с.178]. Вместе с тем, в изображении Зайцевым личности императора нет психологизма. Писатель избегает проникновения во внутренний мир своего героя, почтительно останавливается перед той областью жизни, которая сокрыта от посторонних глаз: «Он (Александр – М.В.) приехал, действительно, богомольцем. Что принес с собой в сердце, уже столько пережившем? Мы не знаем»[2, с.179].

В книге «Валаамский монастырь и его подвижники» для автора главным действующим лицом является обитель, а посещение императора – одна из страниц истории монастыря, хоть и знаменательная. Поэтому все, что находится за границами жизни Валаама, не привлекает внимания повествователя. Его отношение к Государю основано на глубоком почтении, но лишено личного интереса.

Зайцев, напротив, проявляет к Александру самый живой интерес. В главе, посвященной Государю, автор от паломнической литературы переходит к биографическому жанру. Для писателя важна не только история монастыря, но и личность русского императора, поскольку и Валаамская обитель, и Александр I являются для Зайцева разными частями одного целого – образа горячо любимой им России.

Различен и стиль изложения в обеих книгах. В монастырском варианте используется летописный стиль: спокойный, ровный, подробный. Автор не уклоняется от главного предмета описания, обстоятельно излагая факты, не забывая о деталях. Вместе с тем, и здесь заметно влияние агиографической литературы: создается образ идеального правителя, используются риторические приемы, украшающие повествование и восхваляющие Александра: «Подобные явления благочестия, веры и кротчайшего смирения могущественного и славнейшего из государей в пустынной обители, на уединенном острове, может ли не быть записано и в книгах небесных?»[1, с.389].

В очерке Зайцева факты излагаются не менее подробно, но в целом, стиль более лаконичен, хотя и не лишен некоторой возвышенности, поскольку события изображаются с отстраненной, вневременной точки зрения. Перед «вечными словами вечной книги»[2, с.182] нет различий между эпохами и сословиями. Александр показан не правителем и полководцем, а человеком с мятущейся душой, ищущей покоя. За этим он приехал на Валаам, за этим, быть может, приезжал туда и автор. Государь хотел быть на острове только путешественником, и Зайцев подчеркивает это, неоднократно называя Александра «странником». Эта черта сближает императора с самим писателем и со многими его героями: «Странник» – название книги дневниковых записей Зайцева, «Путешествие Глеба» – его автобиографическая тетралогия.

Иногда Зайцев описывает какую-либо подробность, деталь жизни и быта обители более обстоятельно, чем автор монастырского издания, поскольку выполняет роль не только летописца, но и экскурсовода, желающего познакомить с миром монастыря своих светских читателей: «с давних пор зажигался ночью в часовне фонарь – окна выходили во все стороны и фонарь служил маяком»[2, с.178].

В монастырском варианте все излагаемые события составляют один временной пласт. Автор рассказывает о прошлом, не упоминая о настоящем. Очерк Зайцева отличается тем, что в нем взаимодействуют два времени: – время визита Александра и время визита самого писателя. В ходе повествования нередко сравниваются прежний и нынешний облик монастыря, проводятся между ними параллели: «потом (Александр – М.В.) пил чай у игумена, в той же небольшой, но тихой и чистой квартирке с цветами <...>, где и теперь живет игумен, только теперь длинный ряд портретов игуменских <...> украшают соседнюю с гостиной комнату»[2, с.179]. Есть в книге Зайцева и упоминание о событиях, происшедших в жизни императора до его приезда в обитель: «<...> и тогда под окнами были густолиственные деревья, мрачно они шумели, как и в ту ночь, страшную и роковую, что принесла ему раннюю корону»[2, с.179].

Вместе с тем, различие между двумя временными пластами практически стирается; в описании давно прошедших событий используются выражения, близкие и современному человеку, которые приближают прошлое, делают его более понятным: «крохотная келийка, подлинно, избушка на курьих ножках, где обитал добрый дух в виде старичка Николая», «оконце игрушечное»[2, с.180], «жизнь есть жизнь»[2, с.181] и др.

В валаамском издании практически нет пейзажных описаний. Указание на внешний вид местности или погоду допускается лишь в том случае, когда природа становится действующим лицом, влияет на события. Например, непогода стала причиной того, что императора не встретили на острове: «на озере в это время был весьма сильный противный ветер и посланный с письмом не мог попасть в обитель»[1, с.381].

В зайцевском варианте описаний природы тоже очень немного, они помещены в других главах его очерка. Но даже эти редкие фрагменты пейзажных описаний более подробны и эмоциональны, чем в монастырском издании: «Сумрачно было на Ладоге 10 августа 1819 года! Тучи, такой сильный ветер, такая

волна, что государь в Сердоболе спросил даже Арсения, можно ли в такую погоду выезжать?»[2, с.178].

Проведенное сопоставление очерка Бориса Зайцева «Валаам» и книги «Валаамский монастырь и его подвижники» позволяет сделать следующие выводы:

1. Выявленное сходство композиции главы очерка «Александр на Валааме» и соответствующей главы книги, заимствование сведений и наличие точных цитат дают основание с уверенностью утверждать, что именно эта книга была одним из источников в работе писателя над очерком.
2. Поэтика очерка складывается под влиянием как церковной, так и историографической традиции, органично вписывающихся в индивидуальную художественную манеру автора. Определяющие черты поэтики Зайцева: отсутствие психологизма в изображении героя; особый лиризм, при отсутствии стилизованных излишеств; изображение событий с отстраненной точки зрения; использование аналогий из Священного Писания.

Изучение особенностей поэтики Б. Зайцева необходимо продолжить на материале других произведений писателя, сравнивая их с образцами различных жанров церковной литературы.

Источники и литература

1. Валаамский монастырь и его подвижники. – 3-е издание, исправленное и дополненное. – СПб.: Типо-Литография И. Генералова, 1903. – 448с.
2. Зайцев Б. К. Валаам // Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 7 (доп.). Святая Русь. – М.: Русская книга, 2000. – С. 153-196.
3. Воропаева Е. Примечания к очерку Б. Зайцева «Валаам»// Литературная учеба. – 1991. – Книга первая. – С. 75-76.
4. Любомудров А. М. Книга Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский»//Литература и история. – СПб.: Наука, 1992. – С. 263-280.
5. Любомудров А. М. Монастырские паломничества Бориса Зайцева // Русская литература. – 1995. – № 1. – С.137-158.

В статье проводится сопоставление очерка Б. Зайцева «Валаам» и книги «Валаамский монастырь и его подвижники», позволяющее сделать вывод, что книга явилась одним из источников очерка.

The article contains a comparison of B. Zaytsev's essay "Valaam" and of the book "The Monastery of Valaam and its Saints" which gives us a possibility to make a conclusion that the book was one of the essay's sources.

У статті зроблено порівнення нарису Б. Зайцева "Валаам" і книги "Валаамский монастырь і його подвижники", яке дозволяє зробити виведення, що книга є один з джерел нарису.

Ключевые слова: паломническая литература, агиографическая традиция, поэтика.